

© 2011 г. Е.В. ГОРБОВА

ВИДОВАЯ ПАРНОСТЬ РУССКОГО ГЛАГОЛА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ*

В статье представлена попытка еще раз обратиться к вопросу о видовой парности русского глагола. Отправной точкой для предлагаемого решения проблемы является анализ ответов лингвистов на поставленную в «Анкете аспектологического семинара филологического факультета МГУ» задачу по оценке семи пар однокоренных русских глаголов с точки зрения их признания или непризнания видовыми коррелятами. Далее излагается носящий рекурсивный характер механизм определения видовой коррелятивности с учетом морфологического типа прототипических видовых пар, акциональных свойств глаголов и функционального критерия Маслова.

1. ПАРА ИЛИ НЕ ПАРА?

В «Анкете аспектологического семинара филологического факультета МГУ» [Анкета 1997] один из предложенных для обсуждения вопросов (II.5) был сформулирован следующим образом: «Как Вы оцениваете, в связи с предыдущим вопросом (о словоизменительном или словоклассифицирующем характере категории вида. – Е. Г.), проблему видовой парности? В частности, считаете ли Вы видовую дефектность системным или маргинальным явлением? Можно ли, на Ваш взгляд, считать (чисто)видовыми все или некоторые из следующих пар однокоренных русских глаголов:

видеть – увидеть, гулять – погулять, есть – поесть, идти – пойти, кричать – закричать, петь – пропеть, прыгать – прыгнуть?»¹ [Анкета 1997: 140].

Полученные ответы в своей совокупности выглядят довольно любопытно. Было опубликовано 36 ответов на поставленные в анкете вопросы, что соответствует 36 заявленным позициям (уточнение: одна анкета была подписана двумя фамилиями и одна была коллективной)². Из них в 32 анкетах (в дальнейшем именно они и будут взяты за 100 %) в той или иной степени был затронут вопрос о видовой парности (в четырех анкетах ответ на интересующий нас вопрос отсутствует). В девяти случаях (28 %) ответ базировался на функциональном «критерии Ю.С. Маслова» (далее – критерий Маслова)³, причем либо это было эксплицировано автором (авторами), либо этот факт

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (Тематический план фундаментальных НИР СПбГУ) и Гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю.С. Маслова» НШ-3688.2010.6.

¹ Отметим, что в [Маслов 1948; 1984: 59] глагольная пара *видеть ~ увидеть*, а также *колоть ~ кольнуть*, аналогичная приведенной в данном списке паре *прыгать ~ прыгнуть*, фигурируют в качестве образцовых представителей второй и третьей групп третьего разряда русских глаголов, который охарактеризован как «пары соотносительных глаголов несовершенного и совершенного вида» [Там же].

² См. также анализ ответов на вопросы упомянутой анкеты, в том числе анализ ответов на вопрос II.5, в статье [Черткова и др. 1997: 132–135].

³ См. [Маслов 1948; 1984: 48–65], а также [Горбова 2010а: 145–146]. В [Зализняк, Миказлян, Шмелев 2010: 5] отстаивается следующая позиция: «Мы полагаем, что только этот критерий является основанием для установления видовых пар и позволяет говорить о грамматическом характере видовой оппозиции в русском языке». И далее: «глаголы *X* и *Y* образуют видовую пару тогда и только тогда, когда глагол несов. вида *Y* может заменять глагол сов. вида *X* в контексте Маслова (повествование в настоящем историческом и контекст многократности. – Е. Г.); это и есть о п р е д е л е н и е видовой пары» [Там же: 6].

выводится из текста ответа, в котором применяются на практике тестовые процедуры, соответствующие критерию Маслова. В 23 случаях (72 %) при решении вопроса о (чисто)видовой парности предложенных глагольных двоек критерий Маслова не применялся. Примечательно также, что отсутствует двусторонняя корреляция между использованием критерия Маслова и признанием предложенных глагольных пар (чисто)видовыми: с одной стороны, и среди авторов девяти анкет, использовавших данный критерий видовой коррелятивности⁴, не все из семи предложенных пар были признаны (чисто)видовыми (по меньшей мере, в пяти случаях лишь часть из предложенных пар была оценена как характеризующаяся чистовидовой коррелятивностью). С другой стороны, среди тех 23 ответов на вопрос II.5, в которых критерий Маслова, по-видимому, не применялся, имеются 12 случаев частичного (относительно некоторых пар) признания (чисто)видового статуса предложенных пар глаголов⁵. Оставшиеся 11 анкет не демонстрируют единообразия оценок и в смысле отрицания (чисто)видового статуса предъявленных пар: присутствует и отрицательное отношение к самому понятию видовой пары (одна анкета), и просьба дать определение этого понятия, что является условием ответа, пока что отсутствующего, на поставленный вопрос (одна анкета).

Приведем данные по предложенным для оценивания их (чисто)видового статуса парам в виде таблицы (учитываются все 32 анкеты, содержащие, хотя бы частично, ответ на вопрос II.5).

Думается, что приведенные в *Таблице 1* данные достаточно красноречивы сами по себе. Их можно ранжировать, причем по трем основаниям, соответствующим трем

Таблица 1

**Оценка (чисто)видовой парности семи предложенных в [Анкета 1997]
пар однокоренных глаголов**

		+ видовая парность	– видовая парность	+/- видовая парность ⁶
1.	прыгать ~ прыгнуть	14	7	6 ⁷
2.	видеть ~ увидеть	12	10	5
3.	идти ~ пойти ⁸	10	14	3
4.	есть ~ поссть	8	13	4
5.	гулять ~ погулять	7	14	5
6.	петь ~ пропеть	6	17	2
7.	кричать ~ закричать	5	16	6

⁴ Понятия видовой парности и видовой коррелятивности здесь и далее рассматриваются как синонимичные.

⁵ Здесь нужно пояснить, что при объединении анкет во вторую группу (из 23 анкет) не применялись слишком строгие требования: в некоторых анкетах речь шла не о понятии «(чисто)видовая пара», а о других понятиях, таких как «видовые партнеры» (два раза: совместный ответ Е.С. Кубряковой и Е.В. Петрухиной, а также Ф. Лемана), «функциональные пары» (Х. Томмола) или «видовые (аспектуальные) способы действия» (Х.Р. Мелиг), «приблизительная (ситуативная) неканоническая видовая пара» (Л. Ясан).

⁶ Параметр «+/- видовая парность» введен для тех случаев, когда в анкете характеристика предложенной пары глаголов как (чисто)видовой не была однозначной и сопровождалась оговорками («при определенных условиях», «с оговорками» и тому подобное).

⁷ Сумма цифр в трех столбцах не равняется 32, как можно было бы ожидать, поскольку не каждый автор ответа высказался относительно каждой из предложенных для оценки их видовой коррелятивности пар.

⁸ В [Janda; Korba 2008: 264] *поехать* безоговорочно оценивается как естественный перфектив (эквивалент члена видовой пары, см. ниже в основном тексте изложение концепции видовых гнезд) к *ехать*, а *полететь* – к *лететь*.

озаглавленным столбцам таблицы. Например, по параметру наибольшего количества голосов за (чисто)видовой статус пары (в соответствии с этим параметром и расположены пары) лидирует пара *прыгать ~ прыгнуть* (14 голосов), далее следует *видеть ~ увидеть* (12 голосов), на третьем месте – *идти ~ пойти* (10 голосов). *Петь ~ пропеть* и *кричать ~ закричать* (с 6 и 5 голосами соответственно) занимают последние два места, чуть выше располагается *гулять ~ погулять* (7 голосов). По противоположному признаку – наибольшему количеству голосов против (чисто)видового статуса данной пары – лидирует *петь ~ пропеть* (17 голосов), что довольно хорошо коррелирует с предпоследним местом этой пары в первой иерархии. Близка к лидеру пара *кричать ~ закричать* (16 голосов), здесь также имеется корреляция с (последним) местом по первому параметру, однако если мы примем во внимание данные третьего столбца, то можно констатировать и большие колебания относительно (чисто)видовой коррелятивности пары *кричать ~ закричать* (6) по сравнению с парой *петь ~ пропеть* (2). *Гулять ~ погулять* и *идти ~ пойти* (с 14 голосами против их видовой коррелятивности у каждой) занимают третье место в данной иерархии, но стоит отметить и их неравное отношение к первому параметру: *идти ~ пойти* в 10 случаях была названа видовой парой, а *гулять ~ погулять* – только в 7 случаях. Далее следует пара *есть ~ поесть* (13 голосов), за ней *видеть ~ увидеть* (10 голосов), и завершает иерархию пара *прыгать ~ прыгнуть* с 7 голосами против ее (чисто)видового статуса. Как видим, идеальной равномерности возрастания количества голосов по второму параметру («-» видовая парность) в соответствии с иерархией по первому параметру («+» видовая парность) не наблюдается, но о приблизительной противонаправленной зависимости говорить, наверное, можно. Последний параметр («+/-» видовая парность) труднее оценить и сам по себе, и с точки зрения его (возможного) влияния на корреляцию первого и второго параметра, поскольку не очень понятно, как следует оценивать, например, самое большое значение в этом столбце. В качестве свидетельства повышенного внимания к данной паре глаголов как кандидату в чистовидовые и к соответствующему типу семантического противопоставления как имеющему грамматический статус? Или как свидетельство высокой степени удаленности такой пары от прототипической, основанной на соотносительности с пределом как естественным и единственно возможным исходом ситуации, в которой форма НСВ обозначает соотносительный с пределом процесс, а форма СВ – достижение этого предела? Еще одна возможность – характеристика пары как обладающей признаком «+/- видовая парность» в зависимости от разложимости глагола НСВ на разные лексико-семантические варианты (в другой терминологии – на несколько моносемичных лексем), причем в одном случае (чисто)видовая парность может быть установлена, а в другом (других) – нет. Отметим, что равные значения по этому параметру (6 голосов) имеют две пары: *прыгать ~ прыгнуть*, занимающая первое место в первом столбце, и *кричать ~ закричать*, занимающая там же последнее место. И именно для *прыгать ~ прыгнуть* наиболее вероятным объяснением высокого значения этого параметра представляется третья возможность.

Рассмотрим данные *Таблицы 2* (см. ниже), в которой представлены мнения относительно (чисто)видового статуса предложенных глагольных пар тех девяти участников анкеты, которые применяли критерий Маслова при решении поставленной задачи.

Как можно видеть, в этой группе сохраняется та же тенденция, что и в *Таблице 1*, где были суммарно представлены данные по всем 32 анкетам: первые три места по количеству голосов, отданных за (чисто)видовой статус пар, сохраняются за теми же парами. Существенным отличием является перемещение пары *кричать ~ закричать* с последнего места в первой группе данных на четвертое место во второй (в *Таблице 2* соответствующая строка выделена цветом). В этом перемещении сказывается, по-видимому, отмеченная в [Шатуновский 1999: 239] и рассматриваемая в [Перцов 2001: 126] как недостаток критерия Маслова соотносительность типа *кричать ~ закричать*, см.

**Оценка (чисто)видовой парности семи предложенных в [Анкета 1997]
пар однокоренных глаголов с применением критерия Маслова**

		+ видовая парность	– видовая парность	+/- видовая парность	Всего
1.	<i>прыгать ~ прыгнуть</i>	9	0	0	9
2.	<i>видеть ~ увидеть</i>	8	0	0	8
3.	<i>идти ~ пойти</i>	7	1	0	8
4.	<i>кричать ~ закричать</i>	5	1	2	8
5.	<i>есть ~ поесть</i>	4	2	2	8
6.	<i>гулять ~ погулять</i>	3	3	2	8
7.	<i>петь ~ пропеть</i>	3	3	2	8

также ниже в разделе 3. Внимание привлекает и факт одинаковой оценки как первых⁹, так и последних двух пар, а также отсутствие сомнений (нули во втором и третьем столбцах) по поводу (чисто)видового статуса занимающих первые два места пар: *прыгать ~ прыгнуть* и *видеть ~ увидеть*.

Выводами из рассмотрения ответов ряда лингвистов на вопрос о (чисто)видовом статусе предложенных в [Анкета 1997] семи глагольных пар является следующее. В первую очередь, это констатация факта, что в вопросе о видовой коррелятивности русского глагола (в неочевидных случаях, которые и были предложены для обсуждения) лингвисты весьма далеки от единодушия, демонстрируя целый спектр самых разнообразных мнений по этому поводу. Далее, это желательность дополнения единственного работающего инструмента по установлению видовой парности – функционального критерия Маслова – некими вспомогательными процедурами и/или конвенциями. Последнее представляется необходимым, поскольку, как показал наш анализ, даже лингвисты, проявляющие единодушие по вопросу о целесообразности использования данного критерия, не получают идентичных результатов при анализе одного и того же материала (см. данные *Таблицы 2*).

Обратимся к обзору существующих в литературе мнений о границах видовой парности в русском языке.

2. ВОЗМОЖНЫЕ ГРАНИЦЫ ВИДОВОЙ ПАРНОСТИ

Предлагаемый ниже обзор позиций не носит исчерпывающего характера в том смысле, что, возможно, не удалось учесть все без исключения существующие в русской аспектологии мнения по обсуждаемому вопросу¹⁰. Порядок представления вошедших в наш перечень подходов к видовой коррелятивности основан на принципе расширения круга глагольных пар, признаваемых (чисто)видовыми.

1) Парность (и словоизменительный характер категории)¹¹ признается только в случаях имперфективации, в том числе вторичной, т. е. в тех случаях, когда обе глаголь-

⁹ Разница в значениях (9 для первой пары и 8 для второй) не является значимой, поскольку она обусловлена тем обстоятельством, что в одной из анкет, входящих в эту группу, обсуждается только пара *прыгать – прыгнуть*. Поэтому исключительно в строке с данной парой мы имеем значение «9», в точности соответствующее количеству ответов на вопрос о видовой парности в данной группе.

¹⁰ См. также обзор «основных истолкований видовой корреляции» в [Бондарко 1976: 89–99].

¹¹ В [Бондарко, Буланин 1967: 37–38] словоизменительный характер категории вида в русском языке признается исключительно по отношению к данному кругу видовых пар; пары, рассматриваемые в пункте 2 (образуемые в результате префиксальной перфективации), и супплетивные пары в [Там же: 38] рассматриваются уже как образуемые «разными словами».

ные формы либо являются беспрефиксными, либо имеют одинаковый префикс (причем один) и различаются суффиксами (-ыва/-ива, -ва/-ева, -а у форм НСВ) типа *переписывать* ~ *переписать*, *решать* ~ *реши́ть*. Для А.В. Бондарко это «прототипические пары» [Анкета 1997: 145], для М.Я. Гловинской – «пары, образованные имперфективацией и чередованием гласных» [Гловинская 2001: 55] (за исключением случаев типа *приходить* – *прийти*, т. е. моментативных пар, поскольку «те парные глаголы, которые не имеют хотя бы одного из главных значений» [Там же], не принимались автором к рассмотрению). Для Н.В. Перцова они же «бесспорные видовые пары», которые очевидным образом удовлетворяют критерию видовой парности (список критериев см. в [Перцов 2001: 120]) и поэтому ложатся в основу введенного автором уже несколько менее строгого понятия видовых партнеров [Там же: 125].

Даже в рамках общей оценки в [Плунгян 2000: 125–126; 2011: 299–307] русской видовой оппозиции как имеющей словоклассифицирующий характер для рассматриваемых пар делается исключение, ср.: «Элементами одной парадигмы (= формами одной лексемы) могут более или менее ненасильственно считаться пары типа *упаковать* ~ *упаковывать*», хотя и отмечается, что «число их недостаточно велико для того, чтобы трактовать вид как словоизменительную категорию; такие пары обнаруживаются лишь среди обозначений предельных процессов, и то далеко не всех» [Плунгян 2011: 301]¹². См. также в [Касевич 1977: 77–78], где в качестве примера видовой пары приводится *образовать* ~ *образовывать*, а также отмечается относительность единства категории в плане выражения, поскольку «наряду с показателями, являющимися алломорфами (*ыва/ива*, *ва/-ева*), широко представлены синонимические морфемы, равным образом выступающие средством имперфективации, а также сопровождающие аффиксацию морфонологическое чередование и супплетивные формы» (с отсылкой к приведенным чуть выше примерам: *избегать* ~ *избежать*, *класть* ~ *положить*. – Е. Г.) [Касевич 1977: 77–78]¹³.

Все остальные глаголы оказываются вне словоизменения по виду и трактуются как глаголы *perfectiva* и *imperfectiva tantum*, могущие, однако, при необходимости (и при поддержке контекста, о чем неоднократно шла речь в аспектологической литературе, см., например, [Гловинская 2001: 143; Перцов 2001: 127]) функционировать как отсутствующий член видовой корреляции (например, при применении критерия Маслова) и восполнять, тем самым, незавершенное на данный момент в русском языке развитие вида как словоизменительной категории.

2) К очерченному выше кругу глагольной лексики русского языка, обнаруживающей (чисто)видовую коррелятивность, добавляются те образованные путем приставочной имперфективации пары, «у которых семантическое различие между СВ и НСВ совпало с одним из установленных типов» [Гловинская 2001: 55] (М.Я. Гловинская при изучении видовой парности в [Гловинская 1982; 2001] привлекала именно такой, рас-

¹² Отметим, однако, что круг образованных вторичной имперфективацией форм постоянно расширяется, что неоднократно отмечалось в литературе. См. в этой связи недавнюю работу [Гловинская 2010], где на основе работ предшественников и проведенного эксперимента предлагается следующий вывод: «В последние десятилетия можно... говорить о повышении активности вторичной имперфективации. Об этом свидетельствуют многие факты», среди которых называются суффиксальная дифференциация двувидовых глаголов (*аккредитовывать*, *легализовывать* и тому подобные), активное употребление таких новообразований в разговорной речи и художественной литературе (*разлюбить*), а также в языке современной поэзии (*сжаливаться*, *взрывать*) и в Интернете (*зачерстевать*, *научиваться*) [Гловинская 2010: 191].

¹³ Ср. также с мнением А.А. Барентсена: «Именно морфологический процесс имперфективации составляет основу категории вида в современном русском языке. В семантическом смысле суть этого процесса заключается в том, что вторичные глаголы НСВ сохраняют признак, который входит в значение всех глаголов СВ в русском языке, а именно – наличие представления о некоторой “единице”, определяющей рамки действия. Суть этой “единицы” определяется семантикой данного глагола» [Barentsen 1985: 431].

ширенный за счет приставочной перфективации, материал)¹⁴. В основе принятого решения, как следует из приведенной цитаты, лежит семантический анализ. В [Касевич 1988; 2006: 550] принят, по-видимому, аналогичный подход, поскольку утверждается, что «*делать – сделать, решить – решить* могут служить примерами видовых пар, *составленных словоформами одной и той же лексики* (выделение мое. – Е. Г.)». Из выделенного в приведенной цитате фрагмента вытекает, что и при расширении за счет приставочной перфективации сохраняется возможность трактовки русской видовой оппозиции как словоизменительной (= формообразовательной). Такое же мнение было высказано и Ю.С. Масловым в [Маслов 1959: 172].

Известно, впрочем, и более осторожное решение, сводящееся к утверждению о промежуточном (между словоизменением и словообразованием и, соответственно, между словоизменительным и словоклассифицирующим статусом категории) характере русского вида. Такое решение принято в [Гловинская 2001: 144–147] с учетом наличия видовых троек (типа *копать (яму) – выкопать – выкапывать*), в которых обе имперфективные формы не характеризуются отношениями дополнительной дистрибуции. Аналогичную проблему обнаруживают и видовые пятерки (типа *паковать – запаковать – запаковывать – упаковать – упаковывать*), см. [Гловинская 2001: 146; Апресян 1974: 174–175].

Сходное решение предлагает и А.В. Бондарко, характеризуя вид в русском языке как непоследовательно коррелятивную морфологическую категорию в рамках трехчленной классификации: последовательно коррелятивные, непоследовательно коррелятивные и некоррелятивные [Бондарко 1976; Анкета 1997: 145] (истoki этого подхода можно видеть в уже упомянутой книге [Бондарко, Буланin 1967: 37–38]).

3) Следующее расширение круга (чисто)видовых пар возможно за счет добавления группы неопределенных (в смысле – не соотнесенных с пределом) глаголов, ранее трактованных как *imperfectiva tantum*, и их перфективных коррелятов. Это глаголы типа *грустить, стесняться, работать, гулять*, которые относятся к акциональным классам стативов и агентивов (в другой терминологии – состояний и неопределенных процессов). Соответствующая акциональная (и семантическая) характеристика является необходимым, но не достаточным условием включения таких глаголов в сферу (чисто)видовой коррелятивности. Обязательно должен наличествовать в русском языке такой способ их перфективации, при котором происходит ограничение соответствующих «гомогенных ситуаций в их временной протяженности» [Мелиг 1994: 593], что возможно либо при помощи делимитативного, либо при помощи пердуративного способа действия, ср.: *работать* → *поработать* (делимитатив), *поработать* <все воскресенье> (пердуратив). Перфективация (посредством временного ограничения) таких глаголов возможна также и «через указание на начало или конец ситуации (так называемые ингрессивный и финитивный способы действия)» [Там же], ср.: *заработать* <о механизме>, *отработать* <свое>¹⁵.

¹⁴ Речь здесь идет о довольно традиционном в русской аспектологии понятии «нулевой (или чистовидовой) приставки», т. е. приставки, не меняющей при перфективации бесприставочного исходного глагола НСВ его лексического значения, см. обзор имеющихся точек зрения и обсуждение этой проблемы в [Кронгауз 1998: 80–82]. Думается, что структурная модель Вся–Схоневелда [Там же], объясняющая нулевой семантический эффект от присоединения приставки при перфективации глагола НСВ не нулевым значением приставки, а совпадением ее значения со значением глагола (как следствие – избыточность), обладает нужной объяснительной силой и способна правильно предсказать перфективную форму исходного бесприставочного глагола НСВ после анализа соответствующего глагола как предиката.

¹⁵ См., впрочем, возражения М.А. Кронгауза в [Кронгауз 1998: 124–125] по поводу способности приставки *от-* в рамках финитивного СД обозначать идею прекращения действия. Автор полагает, что «речь идет о переходе субъекта в определенное состояние, в котором он уже не способен совершать данное действие» и «актуальное отсутствие действия является следствием невозможности его осуществления» [Там же: 125]. На этом основании, а также учитывая его невысокую продуктивность, финитивный перфектив может быть исключен из обсуждаемого перечня способов перфективации неопределенных глаголов НСВ.

Как видим, для неопределенных глаголов имеется несколько способов перфективации. Рассмотрим обозначенные выше, имея в виду, что это отнюдь не закрытый список (о перфективации через семельфактив, типа *прыгать* ~ *прыгнуть*, речь пойдет ниже).

Следует учесть, что в том случае, если мы хотим включить неопределенные глаголы в словоизменительную видовую коррелятивность, нам, очевидным образом, понадобится осуществить выбор одного из существующих способов, поскольку категория вида в русском языке является двучленной, соответственно, более чем двух видовых форм у глагола быть не может. Наилучшим кандидатом на роль перфективного члена не соотносённой с пределом видовой пары является, по-видимому, делимитатив: *работать* ~ *поработать*, *грустить* ~ *погрустить*, *учительствовать* ~ *поучительствовать*, *сидеть* ~ *посидеть*, *развлекаться* ~ *поразвлекаться* и т. д. Не приводя исчерпывающей аргументации, можно указать на следующее. Во-первых, в последние годы некоторые исследователи уже включили пары типа *гулять* ~ *погулять* в круг (чисто) видовых [Черткова 1996; Петрухина 2000: 187–190; Dickey 2006] в силу значительно возросшей продуктивности образования делимитативных перфективов и, следовательно, их регулярности (интересно, что высокая регулярность делимитативов некоторым образом способствовала и формулированию противоположного вывода – об отсутствии необходимости трактовки мотивирующего глагола НСВ и образованного от него делимитатива как видовой пары – в [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 17]; см. также сноску 16). Также следует иметь в виду положительный результат для таких пар при применении критерия Маслова, см., например, иллюстрацию в [Перцов 2001: 126]¹⁶:

а) *Вчера он пришел домой поздно, поужинал, погулял полчаса и лег спать.*

б) *Вчера он приходит домой поздно, ужинает, гуляет полчаса и ложится спать.*

Итак, делимитативы характеризуются высокой регулярностью и способностью служить функциональным эквивалентом для несоотносённых с пределом глаголов, входящих в акциональные классы агентивов и, с большими трудностями, стативов (об отсутствии четкой границы между этими двумя классами в русском языке см. [Горбова 2009]). Сочетание этих двух характеристик делает делимитативы наиболее удачными кандидатами из предложенного выше перечня возможных перфективов (ингрессивный способ действия (СД), финитивный СД, пердуративный СД).

Близкие к делимитативам пердуративы проигрывают в силу наличия обязательной валентности на адвербиальное выражение со значением длительности (*прогулять <целых> четыре часа*), что обусловлено различным фокусом внимания. По мнению М.А. Кронгауза, «для *про*-глаголов в фокусе внимания находится временной отрезок, который заполняется соответствующим действием (отсюда обязательность четкого

¹⁶ При взгляде с другой стороны – со стороны делимитатива, обнаруживается невозможность его морфологической суффиксальной имперфективации из-за возникающей омонимии с прерывисто-смягчительным СД, ср.: *погулять* – *погуливать*. Это обстоятельство, а также то, что мотивирующий глагол НСВ фактически выполняет функцию имперфективного коррелята к делимитативу, отмечено в [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 16]. Ниже авторы приходят к выводу, что, несмотря на некоторые препятствия (в частности, системное: при принятой в работе исходности для видовой коррелятивности СВ как обозначающего событие, только в видовых парах с участием делимитатива исходным – и формально, и семантически, и функционально – будет НСВ как обозначающий (неопределенный) процесс), интересующие нас пары типа «процессный глагол – образованный от него делимитатив» могли бы рассматриваться как видовые пары, в которых СВ обозначает «особый тип событий», сводимый «к ограниченному во времени отрезку процесса». Однако это решение, как и сам вопрос о статусе пар с участием бесприставочного НСВ и делимитатива, авторы считают носящим условный характер: «Дело в том, что в контекстах Маслова замена на бесприставочный глагол для делимитативов настолько регулярна, что для них достаточно сформулировать соответствующее общее правило (тем самым необходимость указывать в словаре, что делимитатив входит в видовую пару с мотивирующим бесприставочным глаголом, отпадает)» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 17].

задания данного отрезка и невозможность просьбы или приказа относительно самого действия: *Он проспал сколько-то и *Проспи часа три), а для *по*-глаголов – само действие, как правило, ограниченное другими действиями <...>» [Кронгауз 1998: 126]. Кроме того, как отмечено в [Шелякин 1987/2006: 71], «эти глаголы выражают значение “использовать, провести обозначенное время с какой-либо целью”, т. е. в них происходит аспектуальный сдвиг в сторону результативных глаголов», что способствует вторичной имперфективации (со значением итеративности) некоторых пердуративов, ср.: *просидеть неделю над книгами – просиживать недели над книгами, простоять час в очереди – простаивать часы в очередях* [Там же]. Тем не менее, при наличии в контексте адвербиального выражения со значением четко ограниченного отрезка действия, оцениваемого, как правило, как значительный и/или чрезмерный (о случаях нереализации этой семантической составляющей см. в [Кронгауз 1998: 125]), преимущество получает пердуративный перфектив. Ср.: *Попрыгунья Стрекоза лето красное пропела / ? попела...*

Возвращаясь к делимитативной деривации, отметим, что она доступна не только для неопределенных бесприставочных глаголов НСВ, о которых здесь идет речь, но и для (вторичных) приставочных имперфективов: *переписывать (работу) – попереписывать* <работу и бросить>, *выдавать <книги> – повыдавать* <книги и пойти домой>. Эта способность возникает у приставочных глаголов в форме НСВ в результате «вторичной гомогенизации трансформативов» (термин Х.Р. Мелига из [Мелиг 1994: 600–601]; трансформативом автор обозначает то, что здесь названо соотношенным с пределом глаголом, или терминативом). Ясно, что если мы остаемся в рамках концепции (чисто) видовой пары, то в результирующей тройке глагольных форм (*переписать – переписывать – попереписывать*) к (чисто)видовой паре будут относиться только первые две. Последующая делимитативная деривация вторичного имперфектива должна оцениваться именно как деривация, имеющая аспектуальный характер¹⁷, но не создающая конкурирующего перфектива («комплексного» в терминологии Лоры Янды, см. ниже). Таким образом, при расширении круга (чисто)видовых пар за счет включения в него пар типа *гулять – погулять*, мы получим разделение ранее единого делимитатива на тот, который окажется закономерной формой СВ не соотношенных с пределом бесприставочных глаголов НСВ, и тот, что останется за пределами видовых пар и будет трактоваться как случай (довольно регулярной) деривации от уже имеющих приставку вторичных имперфективов. Во втором случае глагол обязательно будет иметь в своем морфологическом составе, по меньшей мере, две приставки, одна из которых – *по*-.

4) Еще одно возможное расширение круга (чисто)видовых пар может быть осуществлено за счет семельфактивов, соотносимых с мультипликативами (*прыгать – прыгнуть*). Как безоговорочно соотносительные по виду и образующие (чисто)видовые пары рассматривает такие глаголы В.С. Храковский, называя в качестве своих предшественников раннего Ю.С. Маслова, Х. Томмолу и Е.В. Падучеву [Маслов 1948; Томмола 1986: 269; Падучева 1996: 119], см. его ответ в [Анкета 1997: 210–215]. Подобное решение автор принимает на основе предварительного семантического анализа обоих глаголов с применением метода толкований. Итог анализа сводится к тому, что «у обоих членов этой видовой пары одно и то же лексическое значение. В то же время аналогом значения СВ является семельфактивное значение, а аналогом значения НСВ является мультипликативное значение. Поскольку мультипликативное значение сложнее семельфактивного значения, то и толкование глагола НСВ сложнее толкования глагола СВ. <...>

¹⁷ Эту деривацию можно сопоставить с имеющей аспектуальную значимость семантической трансформацией соотношенных с пределом терминативов («accomplishments» по терминологии Вендлера), упомянутую в [Rothstein 2004: 24]. Сутью этой трансформации является неопределенная интерпретация (non-telic accomplishment), отмечаемая в случаях типа *? Jane read a book for a half an hour* (пример (38f) там же), в которых в фокусе внимания оказывается деятельность ‘чтения’ и не предполагается следствия в виде прочтения, т. е. доведения этой деятельности до ее естественного окончания.

Все соотносительные семельфактивные и мультипликативные глаголы в русском языке образуют видовые пары. В этих парах семантически исходным является семельфактивный глагол, а семантически производным – мультипликативный глагол» [Анкета 1997: 215].

Решение о включении в число (чисто)видовых пар соотносительных семельфактивов и мультипликативов при условии принятия предшествующего расширения видовой коррелятивности (за счет делимитативных пар) и при словоизменительной трактовке вида порождает следующую проблему. Что в таком случае делать с тройкой *прыгать* – *попрыгать* – *прыгнуть*? Возможный выход видится в принятии следующей конвенции: в случае мультипликативного характера неспредельного бесприставочного НСВ (типа *прыгать*) парным к нему перфективом считать семельфактив, а не делимитатив. Но поскольку глаголы типа *прыгать* допускают различные интерпретации в форме настоящего времени, то более корректным будет альтернативное решение о разделении *прыгать* на две лексемы: «одноквантовой» *прыгать*₁, парой к которой будет *прыгнуть* (*Потом прыгнул Иванов* – *Потом прыгает Иванов*), и «многоквантовой» итеративной *прыгать*₂ с парной формой *попрыгать* (*Иванов с полчаса попрыгал с вышки, потом отправился на беговую дорожку* – *Иванов с полчаса прыгает с вышки, потом отправляется на беговую дорожку*). Отметим, что в форме настоящего времени для различения *прыгать*₁ и *прыгать*₂ необходимо присутствие адвербиального показателя длительности, поскольку при его отсутствии в последней фразе возможна интерпретация глагола как «одноквантового».

5) К расширению круга видовых пар фактически ведет и отказ от традиционного в русской аспектологии подхода, в соответствии с которым члены видовой пары не могут относиться к разным способам действия (как вариант – один из членов пары не может быть специфицирован по морфемно характеризованному СД, если второй не имеет такой же характеристики). В [Зализняк, Шмелев 2000] находим замечание о том, что «“проклятый вопрос”, является ли глагол *X* видовой парой к *Y* или одним из способов действия, образованным от *Y*, оказывается некорректно поставленным. Он может быть и тем и другим одновременно – если он удовлетворяет функциональному критерию видовой коррелятивности, а, кроме того, по своей форме и значению соответствует одному из способов действия» [Там же: 12–13]. В качестве примера приводится глагол *поправиться*, являющийся и видовым коррелятом к *правиться*, и его начинательным СД [Там же]. Основывается такое решение, естественно, на применении функционального критерия Маслова.

На этом заканчиваются предложения по расширению круга (чисто)видовых пар русского глагола, которые мне удалось обнаружить в литературе. Но не заканчиваются возможные решения проблемы видовой коррелятивности. Поскольку в немалой степени эти решения вызываются к жизни результатами применения критерия Маслова (в частности, все семь пар, предложенных для оценки их (чисто)видового статуса в [Анкета 1997], по словам М.Ю. Чертковой, «рассматриваются мной как видовые на основании функционального критерия истинности видовых пар Ю.С. Маслова», см. [Анкета 1997: 224]), рассмотрим данный критерий и его критику.

3. КРИТЕРИЙ МАСЛОВА

Семантический, в противопоставлении морфологическому, по мнению самого автора (см. [Маслов 1948; 1984: 52]), и функциональный в соответствии с оценкой Анны А. Зализняк, А.Д. Шмелева и И.Л. Микаэлян (см. [Зализняк, Шмелев 2000: 12–13; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 5–6]), критерий Маслова является, пожалуй, самым распространенным и заслуженно популярным инструментом (в немалой степени в силу доступности процедуры) определения видовой парности русского глагола. Сутью этого критерия видовой коррелятивности является «тест на возможность замены глагола сов. вида *X* на глагол несов. вида *Y* в контекстах обязательной имперфективации, т. е. в условиях, в которых, по правилам русской грамматики, сов. вид употреблен быть не может.

К таким контекстам относятся, прежде всего, повествование в настоящем историческом (и в сходных с ним настоящим репортажном и настоящим театральных ремарок) и контекст многократности; эти два контекста мы будем называть контекстами Маслова»¹⁸ [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 6].

Что касается критики критерия Маслова и возможных ответов на нее, то читателя можно отослать к статье [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 5–9], где разбираются пять критических аргументов, ставящих под сомнение работоспособность данного критерия. В указанной работе обсуждаются следующие «проблемы» критерия видовой коррелятивности Маслова: наличие видовых троек (типа *прочитать* – *прочитывать* / *читать*); получение более одного возможного результата при применении обратной процедуры, т. е. не при переводе текста с наличествующими претеритальными формами СВ в контексты обязательной имперфективации, а при переводе текста с имперфективными презентными формами в претерит; возможность применения только одного из двух основных контекстов – настоящего исторического или итеративности – для некоторых глаголов; сомнение в том, что обозначение одного и того же события обеспечивает тождественность лексического значения соотносительных форм СВ и НСВ; и, наконец, неудовлетворенность тем обстоятельством, что в обоих контекстах Маслова не реализуется актуально-длительное значение НСВ, которое некоторыми аспектологами рассматривается как основное значение этого вида.

Поскольку аргументированный и, как думается, убедительный ответ на критику критерия Маслова уже дан в упомянутой работе, остановимся на других возражениях, содержащихся, в частности, в книге [Перцов 2001: 126–128].

Первое возражение опирается на результат применения критерия Маслова к делимитативам, ср.: «(1) Критерию Маслова могут удовлетворять некоторые префиксальные пары с перфективным глаголом, принадлежащим к так называемому делимитативному способу действия. <...> Интуиция восстает против трактовки пары глаголов *поползть* ~ *ползть* как видовых коррелятов, однако применение к ним критерия видовой парности дает положительный результат: можно предъявить соответствующие фразы» [Перцов 2001: 126]. Действительно, «соответствующие фразы» регулярно (особенно в разговорной речи) возникают в контекстах обязательной имперфективации. Именно это обстоятельство, а также высокая частотность и регулярность возникающих пар¹⁹ и позволяет целому ряду исследователей рассматривать соответствующие пары как (чисто) видовые. (В скобках отмечу, что Ю.С. Маслов, автор рассматриваемого критерия, глаголы типа *плакать*, *ползть* относил к непарным глаголам НСВ, а глаголы типа *поплакать*, *поползть* – к непарным же глаголам СВ, см. [Маслов 1948; 1984: 54, 57].)

Следующее возражение: «(2) Критерий Маслова может соотносить и другие существенно различающиеся по лексическому значению видовые партнеры. В [Шатуновский 1999: 239] приводится яркий пример такой соотносительности: *крикнуть* / *закричать* / *прокричать* / *кричать*. В самом деле, возьмем такой контекст: *И тут мы всмотрелись и узнали Игоря, он нам с противоположного берега крикнул (закричал / прокричал) нечто невразумительное, но мы его не поняли*. Какой бы из трех приведенных глаголов ни выбрать, соответствующая фраза вполне допускает применение ПРЕТ (претерит. – Е. Г.) – переход к настоящему историческому: *И тут мы всматриваемся и узнаем Игоря, он нам с противоположного берега кричит нечто невразумительное, но мы его не понимаем*. Общий контекст последней фразы поддерживает и однократность, заключенную в *крикнуть* или в *прокричать*, и начинательность в *закричать* – и вот перфективными

¹⁸ Как уже приходилось отмечать (см. [Горбова 2010а: 146]), контекст настоящего исторического как «положение, при котором противоположность видов “автоматически” снималась бы в пользу одного из них» [Маслов 1948; 1984: 53] впервые отмечается в статье Ю.С. Маслова 1948 года, в то время как контекст итеративности был добавлен позже, в начале 1980-х годов.

¹⁹ См. об этом [Черткова 1996; Петрухина 2000: 187–190; Dickey 2006; Шатуновский 2009: 13 (сноска 1); Горбова 2009: 6–7], а также обсуждение предложения по соответствующему расширению круга видовых пар в разделе 2 выше и в разделе 5 ниже.

коррелятами для *кричать* оказываются сразу три глагола, один суффиксальный семельфактивный и два префиксальных. Моя лингвистическая интуиция против такой видовой парности восстает» [Перцов 2001: 126]. Ниже Н.В. Перцов предлагает собственное решение проблемы – в виде ограничения, сводящегося к «запрету на видовую коррелятивность для семельфактивных глаголов на *-нуть*» [Перцов 2001: 128]. Интересно в этой связи обратиться к прямо противоположному мнению В.С. Храковского (см. [Анкета 1997: 210–215]), подкрепляющего соотносительность по критерию Маслова глаголов типа *прыгать* – *прыгнуть* их семантическим анализом путем толкований (см. выше, в разделе 2). Кроме возможности противоположной оценки видовой коррелятивности семельфактивов и мультипликативов, отметим и отсутствие решения проблемы, поскольку даже при принятии конвенции о наложении запрета на участие семельфактива в видовой паре у нас остаются два кандидата на перфективный коррелят к *кричать* в разбираемой фразе – *закричать* и *прокричать*. Оказывается необходим следующий шаг, введение следующего ограничения. И он предлагается в [Перцов 2001: 128] в следующем виде: «Что же касается префиксальных пар, то следует наложить необходимые запреты на определенные типы перфективных глаголов, выражающих слишком “сильные” для видовой коррелятивности значения, такие как: делимитативность – типа *погулять, поесть* [пример (1)]; начинательность – ингрессивные (*пойти, побежать*) и инхоативные (*зашуметь, закричать, зазеленеть, забежать*) глаголы²⁰; однократность – *прокричать* [пример (2)] – и, может быть, некоторые другие». Таким образом, критерий Маслова после введения указанных ограничений начинает давать результаты, согласные с интуицией исследователя.

Третье возражение Н.В. Перцова соотносимо с первыми двумя критическими положениями, разбираемыми в [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010], поэтому мы его опустим. Наконец, последнее возражение: «(4) <...> за счет лексического наполнения контекста удастся соотнести по критерию Маслова явно некоррелятивные видовые партнеры. Возьмем, например, перфективные глаголы с приставкой *пере-* в значении распространения ситуации на некоторое множество объектов. Достаточно присоединить к одному из главных актантов глагола кванторное прилагательное *весь*, чтобы оказалось возможным выполнение критерия видовой парности: *Он вчера пришел и всех наших девушек смело перецеловал* ~ *Он вчера приходит и всех наших девушек смело целует* ~ *Каждый раз, когда он приходит, он всех наших девушек смело целует*. Здесь во второй фразе словоформа *всех* передаст смысл полного охвата множества, обозначенного прямым дополнением, и тем самым “синонимизирует” эту фразу с первой. Поскольку в критерии Маслова понятия события и тождества событий не прояснены и поскольку не наложены ограничения на соотносительные фразы, ничто не мешает трактовать события в первой и во второй фразе как тождественные, а каждое из повторяющихся событий в третьей – как манифестацию события, описываемого в первой и второй. А тогда мы получаем весьма странные видовые пары – типа видовых партнеров *перецеловать* ~ *целовать*» [Перцов 2001: 127]. Приведенное замечание представляется вполне обоснованным, как и разумным – предложенный автором выход: «Следует как-то ограничить допустимые соотношения фраз-партнеров – во избежание ложных коррелятов типа *перецеловать* ~ *целовать* в примере (4); можно, например, потребовать, чтобы эти фразы могли содержать только личные глаголы, их актанты, и, возможно, некоторые типы адвербиальных компонентов (например, для итеративного подкритерия можно допустить наличие во фразе адвербиалов *всегда, часто, каждый раз* и т. п.)» [Там же: 128].

Думается, что проведенный анализ показал следующее. Во-первых, прецедент предложения определенных конвенций в виде ограничений на некоторые результаты, получаемые в ходе применения критерия Маслова, уже имеется. Во-вторых, интуиция одного исследователя может входить в противоречие с интуицией (и анализом) другого

²⁰ В [Маслов 1948; 1984: 57–58] «начинательные глаголы» (например, *заплакать, расплакаться, побежать, поплыть*) отнесены к разряду «непарных глаголов совершенного вида» (разрядка Ю.С. Маслова. – Е. Г.).

исследователя, соответственно, предложения о введении конвенций неизбежно столкнутся с некоторыми трудностями. В-третьих, при применении критерия Маслова необходимо анализировать вклад контекста в общую семантику высказывания с участием анализируемой глагольной формы и, по-видимому, принять положение об элиминации тех элементов контекста, которые мотивируют употребление «специализированного перфектива» (в терминологии Лоры Янды, см. ниже), имеющего специфическое семантическое отличие от исходного имперфектива.

4. ОТ ДИХОТОМИИ ВИДОВАЯ ПАРНОСТЬ/НЕПАРНОСТЬ ДО ОТРИЦАНИЯ ПАРНОСТИ

Итак, нередко ситуация, когда возникает необходимость в «примирении» результатов применения критерия Маслова и существующих подходов к видовой парности русского глагола. Последнее оказывается необходимым исключительно при с о х р а н е н и и понятия видовой пары, причем в случае трактовки категории вида как словоизменительной эта необходимость ощущается значительно более острой, чем при ее трактовке как деривационной (словоклассифицирующей)²¹. Впрочем, в литературе можно обнаружить существенно различающиеся мнения, объединяемые, однако, отказом (с разной степенью категоричности сформулированным) от понятия видовой пары. В этой связи можно отметить ответы на вопросы «Анкеты», принадлежащие Ф. Фичи Джусты (см. [Анкета 1997: 209–210]), где упоминается теоретическая неудовлетворительность этого понятия, а также концепцию «видовых гнезд» Лоры Янды, в рамках которой понятие видовой пары оказывается излишним. К этой теории мы еще вернемся, а пока хотелось бы упомянуть существующие в аспектологии более «мягкие» подходы к видовой парности, естественно, ни в коей мере не претендуя на исчерпывающий характер перечня.

Как «сравнительно молодую и продолжающую свое становление» «словоизменительно-словоклассифицирующую категорию»²², один из ярких примеров диалектического единства и борьбы противоположностей, переходности, отсутствия четких границ» трактует категорию вида в русском языке М.Ю. Черткова [Анкета 1997: 220, 222]. Соответственно, с привлечением понятия поля с центром и периферией решается вопрос и о видовой коррелятивности. Центр этого поля, по мнению автора, составляют «суффиксальные пары (типа *достраивать* – *достроить*), которые, несомненно, представляют собой словоизменение в чистом виде» [Там же]. Среди префиксальных пар предлагается проводить дифференциацию. Наиболее близко к суффиксальному «ядру» поля находятся пары типа *писать* – *написать* (выделение М.Ю. Чертковой. – Е. Г.), характеризуемые десемантизацией приставок. Тем не менее, отмечается, что они «чуть менее грамматикализованы, чем суффиксальные пары, и находятся несколько ближе к границе ядра и периферии» [Там же]. Далее следует менее традиционное предложение включить в данную зону приставочных пар и «те видовые пары, которые по функции ничем не отличаются от предыдущих, но раньше таковыми не считались (типа *гулять* – *погулять*, *бормотать* – *пробормотать*, *существовать* – *просуществовать*, *идти* –

²¹ Ср. с мнением Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева: «Впрочем, вопрос об отнесении вида к словоизменительным или словообразовательным категориям для современной аспектологии не имеет принципиального значения. Все существенное, что можно сказать про русский вид, можно сформулировать в рамках как того, так и другого подхода. В нашем дальнейшем изложении мы будем пользоваться термином “видовая пара” (т. е. пара соотносительных глаголов сов. и несов. вида), не предпринимая вопроса о том, идет речь про одну лексему или про две разные» [Зализняк, Шмелев 2000: 15–16].

²² Ср. с трактовкой русского вида как «непоследовательно коррелятивной морфологической категории» в [Бондарко 1976] и указанием на промежуточный между словоизменением и словообразованием характер вида в работе [Гловинская 2001: 144–147], о чем речь шла выше, в пункте 2) раздела 2.

пойти, кричать – закричать)» [Анкета 1997: 222–223]. К еще более периферийной зоне видовой парности М.Ю. Черткова предлагает относить пары «с менее десемантизированными приставками, которые зачастую считают характеризованными способами глагольного действия», подчеркивая, что «эта периферийная зона в значительной мере близка словообразованию» [Там же: 223]. При этом учитываются особенности функционирования форм НСВ и СВ, и именно на основании функционального подхода делается вывод о том, что *прыгать ~ прыгнуть*, в частности, образуют пару. Супплетивные пары (типа *ловить ~ поймать*) предлагается рассматривать как периферийные на основании их маргинальности с формальной точки зрения [Там же].

В связи с предложениями М.Ю. Чертковой уместно представить основанный на «антропоцентрическом подходе к изучению грамматики» и ряде экспериментов вариант решения проблемы в [Roussakova et al. 2001; Русакова, Сай 2003; 2008]. Авторами ставятся и решаются «два основных вопроса: 1) как организованы словоформы в составе русских глагольных словоизменительных парадигм? 2) представлены ли формы глаголов, трактуемых обычно как видовые пары, в рамках единой (гипер)парадигмы или разбиты на две сравнительно независимые парадигмы?» [Русакова, Сай 2008: 205]. Выводы, вытекающие из анализа привлеченного авторами отрицательного языкового материала (речевых сбоев и ошибок) и экспериментального материала, не являются однозначными²³, но склоняют к общей характеристике видовой категории русского языка как словоизменительной или, по крайней мере, как эволюционирующей в сторону словоизменения. Ср. со следующим утверждением: «Испытуемые не ощущают разницы в лексическом значении членов по крайней мере некоторых видовых пар; другими словами, члены по крайней мере некоторых видовых пар хранятся в ментальном лексиконе как словоформы, входящие в одну (гипер)парадигму» (выделение принадлежит авторам цитаты. – Е. Г.) [Русакова, Сай 2008: 212].

Еще один вариант решения проблемы представлен в работах Х.Р. Мелига, где вводится понятие аспектуальных (или видовых) СД: первый вариант наименования находим в [Мелиг 1994: 599, 604], второй, наряду с первым, – в [Анкета 1997: 186]. Аспектуальные (видовые) СД определяются опять же функционально, ср.: «Аспектуальные способы действия функционируют при гомогенных описаниях ситуаций как квазикорреляты для отсутствующих форм глагола СВ» [Анкета 1997: 186] (немаловажно, что Х.Р. Мелиг считает русский вид словоизменительной категорией, см. [Там же: 185]). В [Мелиг 1994: 602–603] отмечается, что если глагол участвует в трансформативных описаниях ситуации (имеются в виду соотносимые с внутренним пределом ситуации и соответствующие соотносимые с пределом глаголы), то перфективация возможна при помощи соотносимой формы СВ. «А в контексте нетрансформативов глагол совершенного вида интерпретируется не как соотносимая форма СВ, а как аспектуальный способ действия, который характеризует гомогенную ситуацию как имеющую временные границы своего проявления» [Там же: 603]. В цитируемой статье в качестве аспектуальных способов действия рассматривается ряд СД, но основное внимание привлечено к делимитативу и семельфактиву (одноактный СД). При ответе на вопрос о (чисто)видовой коррелятивности предложенных в [Анкета 1997] семи пар, все они были охарактеризованы как «не видовая пара, но видовой способ действия», за исключением пары *прыгать ~ прыгнуть*, которая получила двойную характеристику. При (возможной) гомогенной интерпретации форма СВ трактуется как видовой СД к форме НСВ, а при гетерогенной (*прыгать через забор*) – как (чисто)видовая пара [Анкета 1997: 186].

²³ Ср.: «Члены так называемых видовых пар представлены в ментальном лексиконе далеко не независимо друг от друга и по крайней мере в ряде случаев выстраиваются в единую надвидовую гиперпарадигму. Межвидовые связи активно используются говорящими в процессе речевой деятельности и отчетливо выявляются в экспериментальных условиях. Сила такого рода ассоциированности неодинакова для разных видовых пар и категория вида с этой точки зрения не представляется единой» [Русакова, Сай 2008: 213].

Близкое решение предлагается в [Зализняк, Шмелев 2000; 2002; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010], где вводится понятие «“незаконной” видовой корреляции», или «“незаконной” видовой связи», в результате которой образуются «“незаконные” видовые пары». Под эти понятия подпадают случаи типа *замолчать* – *замолкать*, *засмеяться* – *смеяться* [Зализняк, Шмелев 2000: 51, 148], *ходить* – *заходить* <по комнате>, *кричать* – *закричать* [Зализняк, Шмелев 2002: 218], *ударить* – *бить* <кулаком по столу> [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 14].

Значительно более широкий и либеральный подход к видовой коррелятивности обнаруживается в концепции, связанной с понятием «функциональной видовой пары» [Lehmann 1988; Гак 1996]. Естественным в рамках концепции, определяющей видовую коррелятивность как «механизм, ставящий в соответствие каждому глаголу сов. вида глагол несов. вида, на который данный глагол должен быть заменен в позиции обязательной имперфективации» (по функциональному критерию Маслова), а видовую пару как «результат действия данного механизма» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 16], является утверждение, что «видовая пара – понятие по определению функциональное»²⁴. При принятии данной концепции рассмотрение в качестве члена «функциональной видовой пары» словосочетаний (*заговорить* – *начинать говорить*, *заблудиться* – *сбиваться с пути*) является неоправданным расширением понятия видовой пары: «говорить о видовой паре имеет смысл только в случае, если в корреляцию вступают именно глаголы (а не словосочетания)» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 5]. В особенности такое ограничение важно, если мы полагаем, что вид в русском языке является словоизменительной категорией, поскольку такой подход, не исключая возможности наличия в парадигме (формальных) словосочетаний, предъявляет к ним дополнительные требования. О входящих в «функциональные видовые пары» двойки глаголов с участием делимитатива (*читать* – *почитать*) см. выше и ниже (раздел 5). Относительно еще одной разновидности «функциональных видовых пар» – двух членов троек типа *цепляться* – *уцепиться* (при наличии *уцепляться*), см., в частности [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 18–20]. В добавление к мнению авторов упомянутой статьи о том, что «существование троек ни в коей мере не ставит под сомнение ни существование видовой корреляции как основополагающего структурного механизма, ни видовую пару как ее материальное проявление» и что «оно лишь свидетельствует о том, что русский вид представляет собой сложную систему, которая постоянно эволюционирует», отмечу следующее. На мой взгляд, в случаях (квази)синонимии типа *примерить* – *примерять* / *мерить* <платье> проявляется прагматика русского вида, поскольку говорящий имеет возможность выбора двух очень близких способов выражения приблизительно так же, как в случаях конкуренции видов типа *Вы уже обедали* / *пообедали*? В случае выбора бесприставочного имперфектива вносимая приставкой часть семантики

²⁴ Отметим, что изложенная концепция не является общераспространенной в русской аспектологии. Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, в частности, предлагают рассматривать русский вид не только с функциональной, но и с концептуальной точки зрения. В соответствии с последней, видовыми парами будут являться глаголы, обозначающие «две стороны одного концепта – предельного действия, т. е. действия, имеющего в нашем представлении контуры, схему своего осуществления и соответственно предел в своем развитии» [Анкета 1997: 174]. (В скобках заметим, что такой «концептуальный» подход к видовой парности в русском языке является более широко распространенным. На этом основана и концепция А.В. Бондарко, считающего лимитативность, т.е. соотносительность с пределом (причем в первую очередь с внутренним), центром русской видовой оппозиции [Бондарко 1987/2006: 45–51], и анализ русской видовой парности методом толкований глаголов СВ и НСВ и их последующим сравнением М.Я. Гловинской, с обязательным условием наличия в паре противопоставления основных значений видов – актуально-длительного для НСВ и точечного для СВ [Гловинская 2001: 52–53].) В рамках же функциональной точки зрения на видовую парность Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина используют понятие видовых партнеров, призванное обозначить «функциональные видовые пары» [Там же]. Тем самым понятие видовой пары оказывается более узким, чем понятие видовых партнеров (см. также ниже в основном тексте).

опускается²⁵, причем в норме (не в случае языковой игры) это происходит только в том случае, если контекст дает такую возможность.

Близким к понятию «функциональной видовой пары», но не идентичным ему, является понятие «видовые партнеры». Наиболее полная информация по объему содержания данного понятия содержится в [Перцов 2001: 125]: «Будем называть видовыми партнерами любую пару однокоренных глаголов сов. и несов. вида, которые либо очевидным образом удовлетворяют критерию видовой парности, либо формально различаются так же, как глаголы бесспорных видовых пар. Видовыми партнерами оказываются, таким образом, кроме видовых коррелятов, такие пары, как *украсить* ~ *красить*, *закрасить* ~ *красить*, *перекрасить* ~ *красить*, *заблуждаться* ~ *заблудиться* и т. п. (однако такие однокоренные разнородные глаголы, как *повыкидывать* ~ *кидать* в круг видовых партнеров мы включать не будем, поскольку нет такой видовой пары, члены которой формально различались бы подобным образом: *по + вы + R + ыва(+ть) ~ R*, где R – переменная для глагольной основы)». Как видим, в соответствии с приведенным определением, видовые пары включаются в круг видовых партнеров и являют при этом формальные образцы для видовых партнеров. Отмечу, что, несмотря на (относительную) распространенность этого понятия в аспектологической литературе, единства среди лингвистов относительно объема данного понятия не обнаруживается. В качестве примера можно привести рассуждения Е.С. Кубряковой и Е.В. Петрухиной в ответах на вопросы [Анкета 1997: 174] (а также сноску 24). В частности, в отличие от Н.В. Перцова, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина связывают видовое партнерство с другим ракурсом рассмотрения видовой коррелятивности – функциональным (по критерию Маслова, по-видимому), а не концептуальным, в рамках которого продолжает действовать видовая парность. Следовательно, видовые пары и видовые партнеры образуют, нужно думать, непересекающиеся множества, выделенные на различных основаниях. (С другой стороны, «концептуальные» видовые пары, без сомнения, проходят функциональный тест по критерию Маслова, что уже является аргументом в пользу вложенности класса видовых пар в класс видовых партнеров.) Рискну высказать предположение, что понятие видового партнерства аспектологи-русисты используют в основном нестрого и прибегают к нему в тех случаях, когда не может идти речь о бесспорной (и по формальным, и по семантическим основаниям) видовой паре, однако имеются некие аргументы (например, функциональная эквивалентность при применении критерия Маслова), заставляющие думать о возможной видовой коррелятивности.

Наконец, вкратце рассмотрим концепцию аспектуальных кластеров (*aspectual clusters*), или видовых гнезд, Лоры Янды (см. [Janda 2007; Janda, Korba 2008]; подробное изложение и анализ данной концепции см. в [Горбов 2009]). В общем, здесь мы уже выходим за пределы теории, в основе которой лежит такое теоретическое понятие, как видовая пара. Причем это верно вне зависимости от расстановки акцентов автором концепции видовых гнезд по отношению к видовой паре: от критического в [Janda 2007: 607] (ср.: «The traditional “pair” model of Russian aspect fails to distinguish among Perfectives and ignores the fact that most verbs exist in larger clusters or three or more aspectually related forms») до лояльного в [Janda, Korba 2008: 254] (ср.: «The pair model of Russian aspect is convenient and works well, at least for beginning learners»).

Видовое гнездо в рамках рассматриваемой концепции конституируется исходным, мотивирующим дальнейшую деривацию, имперфективом (глаголом НСВ, *activity verb*)²⁶ и четырьмя типами перфективов: естественным (*natural perfective* – NP), спе-

²⁵ Ср.: «Здесь (после примеров: *рвать* <мосты> вместо *взрывать*; *рвать* <зубы> вместо *вырывать*; *бить* <масло> вместо *взбивать*; *писать* <на пленку> вместо *записывать*; *крепить* <балку> вместо *прикреплять*. – Е.Г.) везде часть значения, уточняющая характер действия, которая вносится приставкой, опускается как не стоящая упоминания, либо как очевидная, известная посвященным (по принципу “*sapienti sat*”)» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 20].

²⁶ За исключением имперфективов-состояний (стативов), ср.: «Given the lack of integration between States and other situations, and the fact that States do not have a gram (or set of grams) associated with them in Russian, I will eliminate them and their dimension from consideration there» [Janda 2007: 614].

специализированным (specialized perfective – SP), комплексным (complex act perfective – CAP) и одноактным (single act perfective – SAP). В [Janda, Korba 2008: 255] отмечается, что естественный перфектив является эквивалентом видового партнера для НСВ в рамках понятия видовой пары («This is the Perfective that is the natural culmination of a Imperfective Activity, equivalent to the Perfective “partner” in the pair model»), например, *сыграть* и *спеть* для *играть* и *петь*. Соответственно, в видовом гнезде не может присутствовать более одного естественного перфектива. Специализированных перфективов, допускающих вторичную имперфективацию, может быть более одного, поскольку они модифицируют (лексическую) семантику исходного имперфектива в ходе префиксальной деривации. Комплексных перфективов также имеется несколько, поскольку они ограничивают исходный глагол НСВ со значением деятельности (activity) слева (префикс *за-*), справа (префикс *от-*) или двусторонне (делимитативный *по-*, пердуративный *про-*). Вторичная имперфективация комплексных перфективов, как правило, не допускается. Наконец, одноактный перфектив представляет один из «актов» (квантов) деятельности, обозначенной исходным глаголом НСВ. Формантом является, как правило, суффикс *-ну-*, хотя возможно и приставочное выражение (например, *сходить*)²⁷. Не каждый исходный имперфектив имеет видовое гнездо максимального объема, со всеми четырьмя типами перфективов. Приведем для примера, однако, гнездо именно максимального объема из [Janda, Korba 2008: 257], обозначенного как четвертый основной тип (Key Cluster 4):

исходный имперфектив (A – activity) – *резать*;
 естественный перфектив (NP): *нарезать* (также: *срезать*, *зарезать*, *вырезать*);
 специализированный перфектив (SP): *врезать* (НСВ – *врезать*), *обрезать* (НСВ – *обрезать* / *обрезывать*), *перерезать* (НСВ – *перерезать* / *перерезывать*), *разрезать* (НСВ – *разрезать* / *разрезывать*);
 комплексный перфектив (CAP): *порезать*;
 одноактный перфектив (SAP): *резнуть*.

Три оставшихся основных типа кластеров (о производных типах см. [Janda, Korba 2008: 257–259]) имеют меньшее число реализованных перфективов: первый основной тип – A + NP: исходный имперфектив – естественный перфектив (*благодарить* – *поблагодарить*); второй основной тип – A + NP + SP: исходный имперфектив – естественный и специализированный(ые) перфектив(ы) (*красть* – *украсть*; *обокрасть* (с НСВ *обкрадывать*), *выкрасть* (с НСВ – *выкрадывать*); третий основной тип – A + NP + SP + CAP: исходный имперфектив – естественный, специализированный(ые) и комплексный(ые) перфектив(ы) (*играть* – *сыграть*; *выиграть* (с НСВ *выигрывать*), *проиграть* (с НСВ *проигрывать*); *поиграть*, *заиграть*) [Janda, Korba 2008: 257–258].

Не рассматривая в подробностях концепцию видовых гнезд, отметим то основное, что, на мой взгляд, имеет отношение к понятию видовой пары. Как можно видеть из приведенного видового гнезда (максимального объема) для глагола *резать*, все проблемы, характерные для модели видовой парности, присутствуют и здесь. Если мы принимаем к сведению, что «естественный перфектив» – это эквивалент видового партнера СВ по отношению к исходному НСВ в рамках видовой пары, то обнаруживаются и все обычные проблемы. Первая из них – наличие более одного партнера в зависимости от реализуемого лексического значения исходного глагола (ср.: «*нарезать* (также: *срезать*, *зарезать*, *вырезать*)» выше). Разумное решение – работа с моносемичной единицей, ср., в частности, определение видовой пары в [Шатуновский 2009: 17]: «под видовой парой мы будем понимать пару глаголов НСВ и СВ в каком-то отдельном значении (грамматическом, видовом, ну и, само собой разумеется, лексическом), связанных регулярным соотношением и более или менее близких

²⁷ Описание типов перфективов дается в соответствии с [Janda, Korba 2008: 255].

по значению» (выделение мое. – Е. Г.)²⁸. Отметим также, что традиционные видовые пары обнаруживаются в рамках кластеров и в случае имперфективации специализированных перфективов, в приведенном выше кластере это, например, пара *врѣзать*^{CB} ~ *врѣзѣть*^{HCB}. С процессом имперфективации специализированных перфективов связана и вторая проблема – видовые тройки, например, *склеить*^{CB} ~ *склеивать*^{HCB} / *клеить*^{HCB} (см. [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 18–20] и обсуждение выше; наличие обеих проблем констатируется в [Janda, Korba 2008: 257]). И, наконец, отношение к делимитативам, пердуративам, ингрессивам и финитивам (также см. выше). Следует признать, впрочем, что именно в последнем пункте концепция видовых гнезд снимает проблему, поскольку наличие комплексного перфектива как одного из четырех возможных заложено в используемую матрицу видового гнезда.

Особенно привлекательным в концепции видовых гнезд является постановка в зависимость типа реализуемого кластера от аспектуально релевантной семантики (в другой терминологии – акциональной характеристики) исходного имперфектива (досадным упущением представляется сознательное невключение автором теории в круг исследуемых исходных имперфективов стативных глаголов)²⁹. Описание акциональных особенностей исходных имперфективов с применением таких понятий когнитивной лингвистики, как метафоры, а также концептов завершаемости (completeness) и гранулированности (granularity), вполне сводимо к другим бытующим в лингвистике понятиям. С первым из них можно сопоставить известное в современной лингвистике со времен Г. Гэрея и А.А. Холодовича понятие предельности (см. [Гэрей 1962; Холодович 1963]), а также гетерогенности, противопоставленной гомогенности, из [Мелиг 1994]. Второе понятие можно соотнести с акциональным классом («ситуационным типом» в авторской терминологии) семейфактивов в работах К. Смит (например [Смит 1998: 409]) и (при другом, противоположном, ракурсе рассмотрения) с выделяемым акциональным значением мультипликативного процесса в концепции С.Г. Татевосова (например [Татевосов 2005: 124–125]). При чем оба они, в свою очередь, соотносятся с традиционными в русской аспектологии одноактным и многоактным способами действия, реализующими данное семантическое противопоставление³⁰.

Обсуждение концепции видовых гнезд, как представляется, позволяет сделать вывод о том, что данная концепция, расширяя и, так сказать, «глобализуя» наш взгляд на аспектуальную организацию русского глагола, в том числе за счет выявления некото-

²⁸ Аналогичные решения принимались аспектологами и ранее, см. изложение вопроса и библиографию в [Гловинская 2001: 49–51].

²⁹ Приведенное утверждение является, впрочем, не вполне точным. Дело в том, что в рамках рассматриваемой концепции речь идет не об акциональных характеристиках лексемы, которые устанавливаются после специального анализа с применением ряда диагностических процедур с участием аспектуальных (и/или темпоральных) граммем, а априорно, на основе анализа денотата глагола. Этот вывод базируется на приведенных в [Janda, Korba 2008: 262–263] рассуждениях от имени изучающего русский язык студента, впервые встретившегося с глаголами *крыть*, *кашлять* и *варить* и получающего возможность после неких рассуждений о данных действиях, их отношений к «завершаемости» и «гранулированности» предсказать тип кластера, в который попадет каждый глагол. Соответственно – и образуемые перфективы (кроме специализированных). Думается, что в методических целях только такой путь и может быть рекомендован, но подобные рассуждения не являются достаточными для того, чтобы лингвист установил акциональную характеристику глагольной лексемы. Допустимым аргументом являются и немногочисленные, но все же случающиеся несовпадения акциональных характеристик при совпадении денотатов в лексике языков, находящихся в определенной степени родства. Самый известный пример такого несовпадения – англ. *come*, исп. *venir* с одной стороны, и русск. *приходить* – с другой. Последний глагол, в отличие от первых двух, является моментативом, не допускающим процессуализации в смысле реализации прогрессивного (актуально-длительного, конкретно-процессного) значения.

³⁰ См. также выше о предложении В.С. Храковского [Анкета 1997: 210–215] рассматривать данное противопоставление как «видообразующее» и, соответственно, реализующие его пары глаголов как видовые.

рых важных закономерностей (в частности, об обязательном присутствии в гнезде комплексного перфектива при наличии одноактного, см. в [Горбов 2009: 21]), не является несовместимой с моделью видовых пар. К аналогичному выводу пришли и авторы работы [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010], ср.: «на наш взгляд, наличие <...> пучков или кластеров деривационно и аспектуально соотносительных между собой глаголов представляет собой интересную особенность системы русского глагола, но ни в коем случае не отменяет видовой пары как конституирующей категории русской аспектуальной системы» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 10–11].

5. ВИДОВАЯ ПАРНОСТЬ И АКЦИОНАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Считая сущностно правильным учитывать, в том числе и в вопросе о видовой коррелятивности русского глагола, такие категории скрытой грамматики, как соотношенность с пределом и акциональные классы (в другой терминологии – аспектуально-семантические классы, семантические типы, аспектуальные классы, ситуационные типы, лексические виды, характеры действия) глагольных предикатов³¹, предлагаю следующий механизм определения видовых коррелятов русского глагола, носящий рекурсивный характер.

Разумным представляется вначале ориентироваться на морфологический тип прототипических видовых пар русского глагола. Таковыми следует, по-видимому, считать те пары, которые входят в самый узкий круг, своего рода ядро, видовых коррелятов, обозначенный в пункте 1) в разделе 2 выше. Прежде всего, это суффиксальные пары, образованные в результате вторичной имперфективации (в терминах концепции видовых кластеров Лоры Янды это соотносительные специализированный перфектив и его вторичный имперфектив) типа *выдать* ~ *выдавать*, *переписать* ~ *переписывать*; сюда же относятся беспрефиксные пары типа *решить* ~ *решать*, явно уступающие по количеству префиксальным. Естественно, эти пары должны проходить критерий Маслова в одном из двух «контекстов Маслова»: настоящем историческом или итеративизации.

После получения таких прототипических пар (используем здесь выражение А.В. Бондарко, см. [Анкета 1997: 145]), которые будем рассматривать как формы одного глагола, следует определить их акциональные характеристики в соответствии с алгоритмом, предложенным в [Горбова 1999; 2010б: 34–36]. Приведем фрагмент этого алгоритма, имеющий отношение к определению акциональной характеристики видовой пары³².

1. В случае наличия чистовидовой пары отграничение глаголов терминативного характера действия от глаголов моментативного, ингрессивного и двухкомпонентного (агентив + моментатив или статив + моментатив) характера действия производится по признаку способности / неспособности форм НСВ и СВ данного глагола выражать

³¹ На что в аспектологической литературе и неоднократно указывалось, и не единожды было реализовано, см., например, классификации в [Маслов 1948; Булыгина 1982; Мслиг 1985; Горбова 1999; Падучева 1996; 2004; Зализняк, Шмелев 2000; Апресян 2006; 2009; 2010]. Приведу одно из многих высказываний на этот счет, принадлежащее Л. Геберт: «Я считаю видовую дефектность системным явлением в славянских языках. Наличие или отсутствие видовых форм зависит от семантического класса глагола, и это должно быть предсказано теорией» (разрядка моя. – Е. Г.) [Анкета 1997: 154].

³² Для непарных глаголов вопрос решался следующим образом: глагол из группы *imperfectiva tantum* – статив или агентив, из *perfectiva tantum* – моментатив. Очевидно, что если к решению о видовой коррелятивности неких двух однокоренных глаголов НСВ и СВ мы хотим привлечь аргумент о типичности, свойственной этим двум формам акциональной характеристики, то здесь наличествует логический круг, поскольку сама акциональная характеристика определяется относительно видовой пары, т.е. исключительно после решения вопроса о ее наличии. Думается, что выходом является заявленное выше условие работы на первом этапе исключительно с бесспорными суффиксальными парами, в которых имела место имперфективация.

противопоставление по линии 'попытка – успех', 'тенденция – осуществление', «проявляющаяся в таких, в частности, контекстах, как *ловил, но не поймал, – ловил, пока не поймал, – ловил и, наконец, поймал*» [Маслов 1948; 1984; 2004: 83], ср.:

<i>умирать, но не умереть</i>	(терминативы)
<i>дочитывать, но не дочитать</i>	
<i>*находить, но не найти</i>	(моментативы)
<i>*приходить, но не прийти</i>	
<i>*понимать, но не понять</i>	(ингрессивы)
<i>*возглавлять, но не возглавить</i>	
<i>*обижаться, но не обидеться</i>	(стативы / агентивы + моментативы)
<i>*ощущать, но не ощутить</i>	

Проходящие этот тест терминативы – это глаголы, обозначающие соотнесенные с правым пределом (прототипически являющимся естественным результатом, или кульминацией) ситуации, причем их форма НСВ способна обозначать срединную стадию этого соотнесенного с пределом процесса (реже – состояния), а форма СВ маркирует его достижение (кульминацию). То есть это предельная пара, которая «обязательно является и тривиальной», в соответствии с [Падучева 1996: 89], а также с [Зализняк, Шмелев 2000: 56–57]. При этом предел может быть и относительным (в терминах А.В. Бондарко, см., например [Бондарко 1991]; в терминах М.Я. Гловинской [Гловинская 1982; 2001: 82–147] – неопредельные глаголы второго типа с семантическим соотношением 'становиться – стать', например, *повышаться ~ повыситься*), а накопление результата может отсутствовать (у М.Я. Гловинской – предельные глаголы третьего типа 'действовать с целью – цель реализована', например, *будить ~ разбудить*). Выделенные в работе [Зализняк, Шмелев 2000: 56–61] пролептические пары (*опаздывать ~ опоздать*), градационные пары (*стареть ~ постареть*) и инхоативные пары (*заболевать ~ заболеть*) также оказываются в этой группе.

2. Моментативная видовая пара отграничивается от всех прочих по признаку невозможности употребления формы НСВ в настоящем актуальном (понимаемом как аналог типологически интерпретируемой граммемы прогрессива в рамках презенса), ср.: **смотри, вот он приходит сюда (находит ключи)*, т.е. в обеих видовых формах обозначает событие (*Иван пришел домой поздно и сел ужинать – Иван приходит домой поздно и садится ужинать*), но с принципиальной возможностью для НСВ фигурировать и в итеративном контексте, обнаруживая свойства тривиальной видовой пары [Падучева 1996: 89; Зализняк, Шмелев 2000: 56] (*Иван каждый день приходит домой поздно*).

3. Ингрессивная и двухкомпонентная видовые пары различаются тем, что если единственно возможным значением формы СВ ингрессива является фиксирование начала той ситуации, обозначение которой входит в число возможных употреблений формы НСВ, то форма СВ двухкомпонентного глагола может обозначать как (целостное) событие, так и начало того действия (состояния), относительно которого нельзя с уверенностью сказать, было ли оно завершено, ср.: *вчера он возглавил кафедру* (следовательно, сегодня он ее возглавляет), *вчера он наконец понял, в чем заключалась его ошибка* (следовательно, теперь он это понимает) – ингрессивные видовые пары; *вчера он сильно обиделся на меня* (возможно, он и сегодня обижается, а возможно, что нет) – двухкомпонентная видовая пара. У обоих классов НСВ обозначает срединную стадию ситуации, а СВ – либо исключительно начало (левый предел) этой ситуации (в случае ингрессивов), либо ему доступна и целостная событийная интерпретация, причем при отсутствии каузации наличия ситуации (НСВ) этим событием (СВ). Последнее характерно для двухкомпонентных глаголов³³. Наиболее близкие соответствия в литературе – перфектные

³³ О каузации как дифференциальном признаке, различающем ингрессивы и двухкомпонентные глаголы, и о его «мигрирующей» природе см. в [Горбова (в печати)].

(*возглавлять* ~ *возглавить*, *видеть* ~ *увидеть*) и стательные-моментальные (*продолжать* ~ *продолжить*) пары в [Падучева 1996: 94–96] и также перфектные (*понимать* ~ *понять*) и ингрессивные пары (*идти* ~ *пойти*, *бежать* ~ *побежать*) в [Зализняк, Шмелев 2000: 57–61].

Если сопоставить акциональные типы, полученные на данном этапе анализа прототипических пар, с семантическими типами видового противопоставления М.Я. Гловинской из [Гловинская 1982; 2001: 82–147], то окажется, что терминативам соответствуют первый ('начинать(ся) – начать(ся)': *заболевать* ~ *заболеть*, *вбивать* ~ *вбить*), второй ('становиться – стать': *ухудшаться* ~ *ухудшиться*, *повышаться* ~ *повыситься*) и третий ('действовать с целью ~ цель реализована': *добиваться* ~ *добиться*, *будить* ~ *разбудить*) семантический тип, а ингрессивы и двухкомпонентные глаголы соответствуют более периферийному четвертому типу ('быть в состоянии – начать быть в состоянии и быть в нем': *возглавить* ~ *возглавлять*, *пытаться* ~ *попытаться*). (В работе [Гловинская 2002] появляется и «промежуточный тип», который также соотносим с выделяемыми здесь ингрессивами и двухкомпонентными глаголами; подробнее об основаниях деления на обозначенные два класса и о причинах трудностей отнесения их к тому или иному классу см. в [Горбова (в печати)].) При этом моментативы не находят своего соответствия, поскольку в рамках исследований М.Я. Гловинской «те парные глаголы, которые не имеют хотя бы одного из главных значений» (в частности, актуально-длительного для НСВ), не принимались к рассмотрению [Гловинская 2001: 55].

Следующим этапом является перенос полученных при анализе прототипических пар акциональных типов на те случаи, в которых у нас имеется прошедшая в рамках критерия Маслова тест пара глаголов, соотносящихся как исходный имперфектив – префиксальный перфектив (т.е. мы расширяем круг видовых пар аналогично тому, как это было описано в пункте 2 раздела 2). Соответственно, в параллель к терминативам типа *переписывать* ~ *переписать* мы получаем и терминативы типа *писать* <письмо> ~ *написать* <письмо>, кроме двухкомпонентных пар типа *обижать(ся)* ~ *обидеть(ся)* – пары типа *видеть* ~ *увидеть* и т. д. (отметим, что аналогичный прием переноса полученного на прототипических парах результата на более периферийный материал был применен в исследованиях, связанных с различными подходами к способам определения видовой парности, в частности, в [Бондарко, Буланин 1967: 37–40; Гловинская 2001: 55]). Таким образом, пары с беспрефиксным имперфективом и префиксальным перфективом признаются терминативной (моментативной, ингрессивной, агентивно(стативно)-моментативной) парой по двум основаниям: 1) в соответствии с критерием Маслова, 2) с учетом наличия соответствующих суффиксальных (терминативных, моментативных, ингрессивных и агентивно(стативно)-моментативных) пар.

Представляется необходимым ввести также следующее ограничение. Если в соответствии с изложенными выше двумя принципами мы получаем удовлетворительный результат, но (исходный) моносемичный имперфектив в результирующей паре уже входит в другую пару того же морфологического типа (т.е. исходный имперфектив – приставочный перфектив), то следует провести дополнительный анализ на автономность от контекста. Так как нежелательно такое положение, при котором одному исходному имперфективу будет соответствовать два приставочных «естественных» (в терминах Л. Янды) перфектива, то из нескольких имеющихся претендентов на эту роль следует выбрать тот, который в наименьшей степени зависит от контекста.

Так, например, перфектив *пропеть* <арию> по критерию Маслова дает соответствие *петь* <арию>, ср.: *Певица пропела арию, и закончилось первое отделение концерта* – *Певица поет арию, и заканчивается первое отделение концерта*. Гипотетическая пара *пропеть* <арию> ~ *петь* <арию> имеет акциональное соответствие среди суффиксальных пар типа *переписывать* <упражнение> ~ *переписать* <упражнение>, являясь терминативной парой. Однако наличие соответствия *спеть* <арию> ~ *петь* <арию>, при том, что перфектив *спеть* оказывается синонимичным перфективу *пропеть* и тре-

бует меньшей поддержки контекста³⁴, заставляет отказаться от версии о наличии терминативной видовой пары *петь* ~ *пропеть* в пользу чистовидового статуса пары *петь* ~ *спеть*. Если же приставочный перфектив не может быть признан «естественным» перфективом к исходному имперфективу, то возникает предположение, что он является «специализированным» перфективом, допускающим вторичную имперфективацию (продолжаю использовать терминологию Л. Янды, которая представляется достаточно удобной). То есть возникает предположение о наличии пары *пропеть* ~ *пропевать*. Проверка этого предположения по Национальному корпусу русского языка (www.ruscorgo.ru) подтверждает его обоснованность³⁵.

Следование изложенным принципам довольно естественным образом вводит в круг (чисто)видовой коррелятивности пары, образованные мультипликативом и семельфактивом (типа *прыгать* ~ *прыгнуть*, *колоть* ~ *колоть*), поскольку а) такие пары отвечают критерию Маслова; б) их акциональная характеристика идентична акциональной характеристике прототипических моментативов (типа *приходить* ~ *прийти*).

Практически аналогичная ситуация имеется и по отношению к глагольным парам типа *закричать* ~ *кричать*, *заплакать* ~ *плакать*, поскольку среди прототипических пар имеется акциональный класс ингрессивов (*возглавить* ~ *возглавлять*, ср.: *И вот, наконец, он возглавил фирму* – *И вот, наконец, он возглавляет фирму*). Но так как необходимым условием признается также соответствие критерию Маслова, то решение вопроса зависит от трактовки парных высказываний типа *Она заплакала* – *Она плачет*, *Он закричал* – *Он кричит*, получаемых при переводе высказывания в настоящее историческое. Обратимся к выводам авторов статьи [Зализняк, Шмелев 2002]: «отсутствие имперфективного коррелята у инхоативных³⁶ глаголов <...> не случайно и обусловлено тем, что все эти глаголы не обозначают подлинных событий; они лишь используются для того, чтобы представить процесс как событие, включить его в событийную цепочку» [Зализняк, Шмелев 2002: 223], и «при этом происходит утрата семантического компонента начинательности» [Там же: 214]. Если согласиться с приведенными положениями, то, по-видимому, перфектив с приставкой *за-* и исходный имперфектив не следует рассматривать в качестве членов ингрессивных пар (чем и обусловлено принятое решение относительно пары *кричать* ~ *закричать*, см. в Таблице 3 ниже). Отметим, что в случае суффиксальной ингрессивной пары (*занять(ся)* ~ *занимать(ся)*, *возглавить* ~

³⁴ Ср.: *петь* <что-нибудь> – *спеть* <что-нибудь>. Впрочем, положение о большей автономности от контекста перфектива *спеть* по сравнению с перфективом *пропеть* требует экспериментальной проверки.

³⁵ На запросы «пропевал» и «пропевали» поиск по НКРЯ выдал результат в 1 вхождение, на запрос «пропевала» – 3 вхождения, например: *Монька звонко пропевала сочиненную кем-то песенку: давала соседкам бигуди, одалживала им треху до утра, подбрасывала ребенка до вечера и, щедро покрытая синяками, объясняла Гертруде Борисовне, что упала, ударилась о мебель, а еще пострадала в транспорте* (М. Палей. Кабирия с Обводного канала (1990)); *Когда она «слагала стихи», этот процесс не прерывался ни на минуту: вдруг, во время очередной реплики собеседника, за чтением книги, за письмом, за едой, она почти в полный голос пропевала-проборматывала – «жужжжала» – неразборчивые гласные и согласные приближающихся строк, уже нашедших ритм* (А. Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986–1987)). Также обнаружены и презентные формы: *пропеваю* – 1 вхождение, *пропевает* – 2 вхождения, *пропеваем* – 1 вхождение. Все девять полученных результатов датируются периодом 1966–2003 гг.

³⁶ Авторы цитируемой работы называют перфективы с префиксом *за-* инхоативными. Несмотря на распространенность такого терминопотребления, связанного с именем Ф.Ф. Фортунатова, отметим, что оно идет вразрез с рекомендациями Ю.С. Маслова в [Маслов 1965] употреблять в соответствующих случаях термин «ингрессивный». Предпочтение Юрия Сергеевича было обусловлено желанием учитывать индоевропейстическую традицию, где термин «инхоативный» ассоциирован с глаголами, обозначающими «постепенное нарастание признака», соответственно, «в славянских языках “инхоативными глаголами” лучше называть глаголы с суффиксами *-н-* и *-ѣ-*: *блекнуть*, *стареть* и т.д.» [Маслов 1965: 54].

возглавлять) семантика начинательности, как представляется, инерционно наличествует и в имперфективной форме.

Перейдем к вопросу о трактовке делимитативов (*погулять*) и сопоставляемых им исходных глаголов НСВ (*гулять*). Как известно, делимитатив обозначает двусторонне ограниченную «порцию» той ситуации, которая обозначается деривационно исходным для него имперфективом. Если делимитатив первичный (т. е. образованный от исходного имперфектива, как *гулять* ~ *погулять*), то наличествует двустороннее ограничение не предельной ситуации. Если же делимитативная деривация применяется к имперфективу, явившемуся результатом вторичной имперфективации (например, *переписывать* ~ *попереписывать*; в [Мелиг 1994: 600–601] это явление было названо «вторичной гомогенизацией трансформативов»), то имеет место двустороннее ограничение соотносительной с пределом ситуации. Как уже было отмечено выше (см. раздел 2, пункт 3), самостоятельный интерес для вопроса о видовой парности имеет только первый случай, т. е. первичный делимитатив, поскольку именно в таком случае наличествует возможность включения в круг видовой коррелятивности не соотносительных с пределом глаголов, традиционно трактуемых как *imperfectiva tantum*. В случае же вторичного делимитатива происходит перфективация вторичного имперфектива, уже являющегося членом видовой пары, причем с самой типичной для русской видовой оппозиции акциональной характеристикой – терминативной пары.

Аргументы за признание глагольных пар типа *гулять* – *погулять* в качестве видовых уже были рассмотрены выше. Предлагаемый здесь ракурс рассмотрения проблемы – с учетом акциональной характеристики, причем с ориентацией на акциональность бесспорных суффиксальных пар, – предоставляет аргумент *п р о т и в* рассмотрения исходного имперфектива и производного от него делимитатива как видовой пары. Этот вывод обусловлен тем, что результирующая акциональная характеристика такой пары (другими словами – одной лексемы с двумя аспектуальными формами) равняется предусмотренной в нашей дедуктивной акциональной классификации двупредельности на агентивной (или стативной) основе (см. [Горбова 2010б: 23–24]), но среди бесспорных (суффиксальных) видовых пар русского глагола данная акциональная характеристика не представлена. При принятии данного аргумента и последующем отказе от рассмотрения (первичного) делимитатива как видового коррелята к исходному имперфективу возникает необходимость охарактеризовать две отдельные лексемы – НСВ и СВ – в терминах акциональных классов. С глаголом НСВ (*гулять, лежать, знать*) проблем не возникает, поскольку они могут быть охарактеризованы либо как агентивы, либо как стативы, либо (в случае отказа от отдельного рассмотрения неопредельного процесса и состояния в русском языке) как агентивы / стативы. Хуже обстоит дело с делимитативом. В [Горбова 1996; 1999] русские делимитативы были охарактеризованы как (особого рода) моментативы. Основанием для такого решения было допущение, что отрезок (схематический образ делимитатива) может быть приравнен к точке (схематический образ моментатива). К тому же, в более ранних версиях предлагаемой дедуктивной классификации акциональных типов не были учтены все логические возможности сочетания базовых акциональных значений (агентива – неопредельного процесса, статива – состояния и моментатива – точки-кульминации), поскольку она была в значительной степени ориентирована на классификацию 3. Вендлера [Vendler 1967], в терминах которой адекватная характеристика русского делимитатива оказывается затруднительной. При использовании последней редакции разрабатываемой акциональной классификации делимитатив может быть охарактеризован как двупредельный глагол *perfectivum tantum* на агентивной (реже – стативной) основе.

С другой стороны, нельзя не признать того обстоятельства, что в случае с делимитативной перфективацией исходный, семантически и функционально (по критерию Маслова) соотносительный с делимитативом имперфектив является неопредельным (не соотносительным с пределом; в терминах [Зализняк, Шмелев 2000] – обозначающим не событие, а процесс или состояние). Сходная ситуация имеется только в одном типе суффиксальных пар: у ингрессивов (типа *возглавить* ~ *возглавлять, заняться* ~ *зани-*

маться³⁷), т. е. в парах, в которых перфектив обозначает начальную точку соответствующей неопредельной ситуации, поэтому имеет смысл сопоставить ингрессивную и делимитативную перфективацию.

Имперфективы в ингрессивных парах морфологически производны от своих перфективных коррелятов, а исходные однокоренные имперфективы, сохранившие семантическую соотносительность, в современном языке отсутствуют. Поэтому с морфологической точки зрения в случае с (прототипически парными) ингрессивами имеются два инфинитива, а в случае с анализируемыми делимитативами – три (вопрос о проблемах с семантической соотносительностью делимитатива и производного имперфектива прерывисто-смягчительного СД сейчас не обсуждается, как и вопрос о направлении словообразовательной деривации), ср.:

Ø	– <i>заняться</i>	– <i>заниматься</i>
<i>гулять</i>	– <i>погулять</i>	– <i>погуливать</i>

Возможно, именно отсутствие исходного имперфектива способствовало формированию отвечающей всем предъявляемым к прототипической (суффиксальной) видовой паре требованиям в случае с ингрессивными парами. Это предположение поддерживается гораздо более шатким положением как претендентов на (чисто)видовую коррелятивность первого и второго участника из следующих глагольных рядов (см. обсуждение выше с использованием семантической аргументации; также следует иметь в виду общий принцип: прототипическими являются именно суффиксальные пары, в первую очередь – с производными имперфективами):

<i>плакать</i>	– <i>заплакать</i>	– <i>??/*заплакивать</i>
<i>кричать</i>	– <i>закричать</i>	– <i>??/*закрикивать</i>

Ср. также со следующим рядом, в котором появление реального, а не потенциального вторичного имперфектива служит окончательным препятствием для признания видовой коррелятивности исходного НСВ и его приставочного перфектива:

<i>петь</i>	– <i>запеть</i>	– <i>запевать</i>
-------------	-----------------	-------------------

(о факторах, способствующих появлению вторичного имперфектива от перфектива с ингрессивной семантикой, см. в [Зализняк, Шмелев 2002: 214–215])³⁸.

Возвращаясь к вопросу о делимитативной перфективации исходных неопредельных имперфективов, следует еще раз подчеркнуть обусловленный акциональной характеристикой таких глаголов запрет на обозначение достижения естественного предела, или кульминации, за отсутствием соотнесенности с таковым. Следовательно, перфективация возможна только в связи с наложением внешних пределов на обозначаемые исходными имперфективами ситуации. Поскольку аналогия с ингрессивами оказалась ложной (из-за отсутствия соответствующего исходного имперфектива), возможна констатация уникального положения пар типа *гулять* – *погулять*. Они отвечают критерию Маслова, они высокочастотны и достаточно регулярны, позволяя при необходимости представить в виде секвентных (квази)событий исходно неопредельные ситуации, но они не имеют, подобно другим образованным приставочной перфективацией парам, акциональных соответствий среди суффиксальных пар. Представляется, что ожидать от таких пар выполнения сформулированного выше требования (о наличии суффиксаль-

³⁷ Пара *заняться* ~ *заниматься* проходит критерий Маслова в его итеративной разновидности (контексте многократности), ср.: *Придя домой, она занялась уборкой* · *Каждый вечер, приходя домой, она занималась уборкой*.

³⁸ Ср. с похожим рассуждением в [Падучева 1996: 95] сводящимся к следующему: «В традиционной грамматике пара с начинательным соотношением может быть признана видовой только в том случае, если глагол СВ – моментальный, т.е. не входит в предельную пару с другим НСВ, обозначающим процесс». Этому условию удовлетворяет пара *возглавлять* – *возглавить*, но не удовлетворяет пара *болеть* – *заболеть*, поскольку наличествует имперфектив *заболевать* [Там же].

ной пары с соответствующей акциональной характеристикой) крайне нереалистично, поскольку их имперфективы уникальны и в силу своей несоотнесенности с каким бы то ни было пределом, и по причине морфологической исходности. Учитывая все эти обстоятельства, представляется правомерным высказаться за признание (чисто)видового статуса подобных двупредельных пар и их исключительного положения.

В завершение рассмотрения проблем видовой парности русского глагола представляется уместным дать свой вариант ответа на тот вопрос из «Анкеты аспектологического семинара филологического факультета МГУ», с которого мы начали (см. *Таблицу 3*).

Таблица 3

(Чисто)видовой статус семи предложенных в [Анкета 1997] пар однокоренных глаголов с учетом акциональности глагольных лексем

	Глагольные пары	Видовая коррелятивность	Акциональный класс ³⁹
1.	<i>видеть ~ увидеть</i>	+	двухкомпонентный (статив, моментатив)
2.	<i>гулять ~ погулять</i>	+	двупредельный на агентивной основе
3.	<i>есть ~ поесть</i>	+	двупредельный на агентивной основе
4.	<i>идти ~ пойти</i> ⁴⁰	+	двухкомпонентный (агентив, моментатив)
5.	<i>кричать ~ закричать</i>	—	impr.t.: агентив; perf.t.: моментатив
6.	<i>петь ~ пропеть <арию></i>	—	имперфектив – из терминативной пары <i>петь~спеть <арию></i> ; перфектив – из терминативной пары <i>пропеть ~ пропевать <арию></i>
	<i>петь ~ пропеть <лето красное></i>	+	двупредельный на агентивной основе
7.	<i>прыгать₁ ~ прыгнуть</i>	+	моментатив (как <i>приходить ~ прийти</i>)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкета 1997 – Анкета аспектологического семинара филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 2. 1997.
- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1967.
- Апресян 2006 – Ю.Д. Апресян. Основания системной лексикографии // Ю.Д. Апресян (отв. ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Апресян 2009 – Ю.Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М., 2009.
- Апресян 2010 – Ю.Д. Апресян. Семантические типы глагольного управления: лексикографический аспект // Проблемы грамматики и типологии: Сб. статей памяти В.П. Неделкова (1928–2009). М., 2010.
- Бондарко 1976 – А.В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко 1987/2006 – А.В. Бондарко. Содержание и типы аспектуальных отношений. Лимитативность как функционально-семантическое поле // А.В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. М., 2006.

³⁹ В соответствии с [Горбова 2010б].

⁴⁰ Данная глагольная пара в работе не была проанализирована отдельно, но решение о ее статусе принималось по аналогии с парой *видеть – увидеть* и в соответствии с приведенным выше рекурсивным механизмом, который в данном случае предполагал ориентацию на суффиксальные пары типа *ощущать – ощутить*. Имелась в виду способность формы СВ обозначать событие (целостная интерпретация), ср.: – *Отец идет сегодня на работу?* – *Уже пошел, где пошел* с оччень низкой долей вероятности обозначает ‘начал идти’.

- Бондарко 1991 – *А.В. Бондарко*. Предельность и глагольный вид (На материале русского языка) // ИАН СЛЯ. 1991. Т. 50. № 3.
- Бондарко, Буланин 1967 – *А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин*. Русский глагол. Л., 1967.
- Булыгина 1982 – *Т.В. Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // О.Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Гак 1996 – *В.Г. Гак*. Функциональные видовые пары в русском языке // Словарь, грамматика, текст. М., 1996.
- Гловинская 1982 – *М.Я. Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 2001 – *М.Я. Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Гловинская 2002 – *М.Я. Гловинская*. Периферийные видовые пары и их отличия от способов действия // Основные проблемы русской аспектологии. СПб., 2002.
- Гловинская 2010 – *М.Я. Гловинская*. Потенциальные глагольные формы // Современный русский язык: Система – норма – узус. М., 2010.
- Горбов 2009 – *А.А. Горбов*. Теория видовых гнезд: pro et contra // Материалы XXXVIII междунар. филол. конф. Общее языкознание, СПб., 2009.
- Горбова 1996 – *Е.В. Горбова*. Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации: Дис. ...канд. филол. наук. СПб., 1996 (<http://www.genling.nw.ru/person/Gorbova.htm>).
- Горбова 1999 – *Е.В. Горбова*. Опыт разработки универсальной классификации характеров глагольного действия // Материалы XXVIII Межвуз. научно-методической конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 16. Секция общего языкознания. Ч. 1. СПб., 1999.
- Горбова 2009 – *Е.В. Горбова*. Непредельные глаголы в русском языке: единство, дихотомия или градуальность? // ИАН СЛЯ. 2009. Т. 68. № 5.
- Горбова 2010а – *Е.В. Горбова*. Общая аспектология Ю.С. Маслова: из истории отечественной лингвистики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3(9).
- Горбова 2010б – *Е.В. Горбова*. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные грамемы: вопросы взаимодействия. СПб., 2010.
- Горбова (в печати) – *Е.В. Горбова*. Акциональная таксономия и естественная классификация // А.В. Бондарко, В.В. Казаковская (ред.). Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации. СПб., в печати.
- Гэрей 1962 – *Г.Б. Гэрей*. Глагольный вид во французском языке // Ю.С. Маслов (отв. ред.). Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Зализняк, Шмелев 2000 – *Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Зализняк, Шмелев 2002 – *Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. Семантика 'начала' с аспектологической точки зрения // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев*. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // ВЯ. 2010. № 1.
- Касевич 1977 – *В.Б. Касевич*. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Касевич 1988 – *В.Б. Касевич*. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Касевич 2006 – *В.Б. Касевич*. Труды по языкознанию. СПб., 2006.
- Кронгауз 1998 – *М.А. Кронгауз*. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Маслов 1948 – *Ю.С. Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке // ИАН СЛЯ. 1948. Т. 7. №4.
- Маслов 1959 – *Ю.С. Маслов*. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // С. Б. Бернштейн (отв. ред.). Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов 1965 – *Ю.С. Маслов*. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
- Маслов 1984 – *Ю.С. Маслов*. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов 2004 – *Ю.С. Маслов*. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Мелиг 1985 – *Х.Р. Мелиг*. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.

- Мелиг 1994 – Х.Р. Мелиг. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и во времени: О категории глагольного вида в русском языке // *RÉSl*. 1994. LXVI/3.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Перцов 2001 – Н.В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Петрухина 2000 – Е.В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Русакова, Сай 2003 – М.В. Русакова, С.С. Сай. Видовая пара русского глагола в индивидуальном лексиконе и речевой деятельности // Н.В. Богданова, Б.И. Осипов (ред.). Грамматическая и лексическая семантика. Памяти Л.Л. Буланина. СПб., 2003.
- Русакова, Сай 2008 – М.В. Русакова, С.С. Сай. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // *Вестник СПбГУ. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2008. Вып. 2. Ч. 2.
- Смит 1998 – К.С. Смит. Двухкомпонентная теория вида // *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М., 1998.
- Татевосов 2005 – С.Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // *ВЯ*. 2005. № 1.
- Томмола 1986 – Х. Томмола. Аспектуальность в финском и русском языках // *Neuvostoliittotieteiden tutkimuslaitoksen vuosikirja*. 28. Helsinki, 1986.
- Холодович 1963 – А.А. Холодович. О предельных и неопредельных глаголах (по данным корейского и японского языков) // *Филология стран Востока*. 1963. №14.
- Черткова 1996 – М.Ю. Черткова. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
- Черткова и др. 1997 – М.Ю. Черткова, В.А. Плунгян, А.А. Рябчиков, Д.О. Кузнецов. Ответы на анкету аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // *ВЯ*. 1997. № 3.
- Шатуновский 1999 – И.Б. Шатуновский. Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке // *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. Дубна, 1999.
- Шатуновский 2009 – И.Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М., 2009.
- Шелякин 1987/2006 – М.А. Шелякин. Способы действия в поле лимитативности // А.В. Бондарко (отв. ред.). *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность*. Таксис. Л., 1987; М., 2006.
- Barentsen 1985 – А.А. Barentsen. 'Tijd', 'Aspect' en de conjunctie *poka*. Over betekenis en gebruik van enkele vormen in het moderne Russisch. Academisch proefschrift. Amsterdam, 1985.
- Dickey 2006 – S.M. Dickey. Aspectual pairs, goal orientation and PO-delimitatives in Russian // *Glossos*. Issue 7. Spring 2006 // <http://www.seelrc.org/glossos/issues/7/dickey.pdf>.
- Janda 2007 – L. Janda. Aspectual clusters of Russian verbs // *Studies in language*. 2007. V. 31: 3.
- Janda, Korba 2008 – L. Janda, J. Korba. Beyond the pair: Aspectual clusters for learners of Russian // *Slavic and East European journal*. 2008. 52: 2.
- Lehmann 1988 – V. Lehmann. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs // *ZSLPh*. 1988. Bd. 48 (1).
- Rothstein 2004 – S. Rothstein. Structuring events: A study in the semantics of lexical aspect. Malden (Mass.), 2004.
- Roussakova et al. 2001 – M. Roussakova, S. Sai, S. Bogomolova, D. Guerassimov, T. Tangisheva, N. Zaika. On the mental representation of Russian aspect relations // S. Bendjaballah (ed.). *Morphology 2000: Selected papers from the 9th Morphology meeting, Vienna, 24–28 February 2000. Current issues in linguistic theory*. V. 218. Amsterdam, 2001.
- Vendler 1967 – Z. Vendler. Verbs and times // *Linguistics in philosophy*. Ithaca (N. Y.), 1967.

Сведения об авторе:

Елена Викторовна Горбова
СПбГУ
elena-gorbova@yandex.ru